

КІЕВСКАЯ ИСКУСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРА- МАТИЧЕСКАЯ.

Подъ кіевской искусственной литературой XVIII вѣка мы разумѣемъ вообще южно-русскую искусственную литературу этого времени, средогочіемъ которой былъ Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академією.

На южно-русскую искусственную литературу XVIII вѣка обыкновенно смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть даже до настоящаго времени, какъ на литературу схоластическую и мертвенную, которая неспособна была интересоваться общественною и народною жпзнію. И дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать только схоластическіе учебники южно-русскихъ ученыхъ этого времени и ихъ трактаты по разнымъ отраслямъ тогдашнихъ наукъ и знаній; то почти не найдемъ въ нихъ біенія пульса общественной и народной жизни. Но мы не имѣемъ права предполагать, будто-бы схоластическіе учебники и трактаты исключительно поглощали всѣ интересы южно-русскихъ ученыхъ мужей и школьниковъ и отвлекали ихъ вниманіе отъ текущей жизни и народнаго міровоззрѣнія. Особенно нельзя этого предполагать насчетъ молодыхъ школьниковъ, которыхъ живая натура должна была высказываться въ различныхъ пѣсенкахъ, діалоггахъ, передѣлкахъ народныхъ сказокъ, пословицъ и поговорокъ и тому подобныхъ литературныхъ произведенійхъ, можетъ быть—иногда составлявшихъ для нихъ запретный плодъ и во всякомъ случаѣ не входившихъ въ кругъ ихъ

прямыхъ обязанностей и занятій. Понятно, поэтому, что такихъ произведеній не могло сохраниться много отъ XVIII вѣка; но чѣмъ они рѣже встрѣчаются, тѣмъ болѣе должны быть драгоценны для насъ, какъ такіе архаическіе обломки, на основаніи которыхъ можно составить хотя слабое представление о живыхъ литературныхъ интересахъ южно-русскихъ школьниковъ XVIII вѣка. Притомъ же, подобныхъ литературныхъ произведеній сохранилось и не такъ мало: слѣдуетъ только тщательнѣе разыскивать ихъ и приводить въ извѣстность.

Въ разное время мы открыли значительное число южно-русскихъ искусственныхъ произведеній XVIII вѣка ¹⁾, которыя, вмѣстѣ съ извѣстными уже памятниками этого рода, наполняютъ собою весь XVIII вѣкъ и составляютъ его литературную исторію, довольно живую и интересную. На первый взглядъ эта исторія представляется весьма пестрою и разнообразною, не имѣющею подъ собою твердой національной почвы; но, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, оказывается, что сквозь пестроту и разнообразіе чужихъ и наносныхъ элементовъ постоянно и настойчиво пробивается элементъ національный, связывающій южно-русскую искусственную литературу XVIII вѣка съ литературными интересами сѣверной Россіи.

Разнообразіе элементовъ, входившихъ въ составъ южно-русской искусственной литературы XVIII вѣка, виднѣе всего въ пословицахъ и остроумнымъ изрѣченіямъ, найденныхъ нами въ рукописномъ сборникѣ 1738—1743 г., писанномъ рукою ученика харьковскаго коллегіума Іоанна Ушивскаго ²⁾. Составитель находящагося здѣсь алфавитнаго списка пословицъ и остроумныхъ изрѣченій говоритъ, что

¹⁾ Въ первый разъ мы сообщили о такихъ произведеніяхъ въ Трудяхъ Киев. дух. Акад. за 1866—7 гг.; теперь ихъ вдвое болѣе.

²⁾ Рукопись церковно-археолог. музея при Киев. Акад., по печатному описанію № 661.

онъ выбиралъ ихъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ книгъ; но, какъ увидимъ ниже, онъ пользовался и народными пословицами.

Изъ духовныхъ книгъ въ разсматриваемый сборникъ пословицъ и изрѣченій взяты, на примѣръ, слѣдующія пословицы: „Богъ не смотритъ на лице“; „Добро твори всякому и неблагопріятному“, „Изъ плода древо познается“, и проч. Подъ свѣтскими книгами, изъ которыхъ извлекались пословицы и изрѣченія, преимущественно разумѣлись апофтегматы, Епиктетовы изрѣченія и разныя краткія замысловатыя повѣсти западнаго происхожденія. Такъ, на примѣръ, пословицы: „Голому разбой не страшень“ и „Трудно тамъ брати, гдѣ нечего взять“—объяняются слѣдующей апофтегмой: „Къ забавному бѣдняку пришли ночью порою воры. Тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу“¹⁾. „Значно волка въ овечьей кожѣ“,—эта пословица извлечена изъ соотвѣтствующей басни Езопы. На тему пословицы—„извѣснше око, нежели ухо“,—мы нашли два разсказа западнаго происхожденія,—одинъ о Сократѣ, который связалъ однажды: „больше вѣрь очамъ своимъ, нежели скаскѣ людской“, другой о Фалесѣ, выразившемся подобнымъ образомъ: „гораздо то вѣрнѣе,—сказалъ Фалесъ,—что видимъ, нежели то, что слышимъ“²⁾. „Кто богатъ, тотъ всѣмъ братъ, кто ничего не має, того никто не знаетъ“,—на тему этой пословицы есть нѣсколько западныхъ разсказовъ. „Бережливый вопрошень“,—говорится въ одномъ изъ нихъ,—для чего онъ, будучи въ глубокой старости, живетъ скупѣ? для того, отвѣчалъ онъ,—чтобы по смерти лучше оставить что-нибудь непріятелямъ, нежели заживо лишиться пріятелей. Разумѣлъ онъ:

¹⁾ Рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 131, л. 185.

²⁾ Тамъ-же, № 131, л. 191 и 187 об.

гдѣ деньги, тамъ и друзья“. Справедливость этого изрѣченія, по западнымъ разсказамъ, доказалъ другой человекъ. „Нѣкто имѣлъ великой недостатокъ п, не хотя по смерти своей учинить никого наслѣдникомъ, все свое богатство расточилъ, думая, что онъ болѣе не проживетъ 80 ти лѣтъ; но послѣ, живя еще шесть лѣтъ, ходилъ по—міру, прося такъ: подайте что нибудь мнѣ бѣдному, который столь долго жить не думалъ“ ¹⁾). Несомнѣнно западнаго происхожденія и слѣдующая пословица рукописи: „орѣхъ, осель и жена равной суть природы; сія вси три требуютъ биття не по-годы“ ²⁾).

Кромѣ книжныхъ пословицъ, въ сборникъ есть пословицы и народнаго происхожденія, хотя и довольно искаженные. Очевидно, авторъ хотѣлъ придать имъ литературную форму и украсить ихъ школьными приемами; тѣмъ не менѣе онъ не могъ совершенно стеречь ихъ народнаго характера. Между этими пословицами можно различать—польскія, собственно малорусскія и великорусскія или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя одинаково сохранились и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Къ польскимъ можно отнести слѣдующія пословицы сборника: „По шкодѣ зяхъ мудрій“, „Шляхтиць по бабцѣ“, и др. Къ чисто малорусскимъ пословицамъ относятся въ нашемъ сборникѣ слѣдующія: „баба з воза, колесамъ легше“; „Безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому“. „Здався циганъ на свои дѣти“, или—„Циганъ своими дѣтими създчится“; „Осмакъ копи стереже“; „Первія коти за плетень“; „Первѣйшій атаманъ, нежедесятникъ“; „Шануй гори и мости, щобъ были цѣліе кости“; „Якій панъ, такій его крамъ“, и проч. На сѣверѣ Россіи встрѣчаются слѣдующія пословицы нашего сборника: „Въ гостяхъ добре, а дома

¹⁾ Тамъ-же, л. 188 и 189.

²⁾ См. рукопись того-же музея, № 162, по печатному описанію № 549.

„лучше“, „Гдѣ тонко, тамъ рветца“; „Зхотѣлося ему ухи дворанской“; „Из чужого коня и посередѣ грязѣ вставай“; „Дѣшньому всегда праздникъ“; „На злодѣви (ворѣ) шапка горитъ“; „Охота пуцѣ неволѣ“; „Пропало, чгбз воза впало“; „Собака на снѣгъ лежитъ, самъ не истъ и другимъ не дастъ“; „Скупій два раза платитъ“; „Тихая вода береги ломитъ“; „У кія два конци“; „Чужое личко ремѣнцемъ платятъ“, и проч. ¹⁾.

То-же разнообразіе литературныхъ элементовъ, какое мы видѣли въ сборникѣ пословицъ и изрѣченій П. Ушивскаго, встрѣчается и во многихъ другихъ письменныхъ южнорусскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, представляющихъ удивительную амальгаму письменныхъ источниковъ всякаго рода съ произведеніями устной народной словесности. Здѣсь замѣтны прежніе элементы, унаслѣдованные отъ XVII и предыдущихъ вѣковъ, и элементы новые, вызванные текущими обстоятельствами южно-русской жизни. Съ одной стороны, въ этой литературѣ замѣтны старыя византійскія преданія и слѣды латинно-польскаго и западнаго вліянія, съ другой—стремленіе къ возобновленію живыхъ связей съ обще русскою литературою и къ очищенію тогдашняго южно русскаго литературнаго языка по образцу сѣвернаго. Но надъ всѣми этими элементами все болѣе и болѣе получаетъ преобладаніе элементъ національный, русскій, который имѣетъ два главные отгѣнка: племенное самосознаніе южноруссовъ и стремленіе ихъ къ единству съ сѣверно-русскою литературою.

Конечно, южно-русы всегда болѣе или менѣе признавали себя русскими; но мы имѣемъ въ виду не столько сознаніе ими своей народности, сколько выраженіе этого соз-

¹⁾ Послѣднія мы сравнивали съ русскими пословицами въ алфавитномъ порядкѣ, по рукописи XVIII в., принадлежащей Кіевской Академіи, по печатному описанію № 449.

нанія въ соотвѣтственной литературной формѣ. Въ этомъ же отношеніи мы не можемъ сказать, чтобы южно-русскіе писатели XVIII вѣка, да и самъ южно-русскій народъ, далеко не были безукоризненны. Польскій языкъ у южно-русскихъ ученыхъ XVII и даже начала XVIII вв. нерѣдко назывался *отечественнымъ* языкомъ, на которомъ, послѣ латинскаго языка, писались всѣ остальные примѣры и упражненія. Руководства, источники и образцы указывались преимущественно латино-польскіе. Даже самый русскій языкъ школьный, появляющійся съ конца XVII вѣка, изобилуетъ полонизмами и другими иностранными словами.

Но въ XVIII же вѣкѣ изъ среды этого разнообразія элементовъ въ южно-русской рѣчи и литературы постепенно началъ выдѣляться и усиливаться элементъ чисто народный. Какимъ образомъ южно-русссы приходили постепенно къ признанію правъ русскаго языка,—это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ древнѣйшихъ киевскихъ руководствахъ по пѣтикѣ почти исключительно говорилось о польскомъ языкѣ и стихѣ ¹⁾; но въ пѣтикѣ 1736 года польскій и русскій стихъ имѣютъ равныя права, и послѣдній изъ нихъ исправлялся по образцу перваго. Такъ напр., въ кiev. пѣтикѣ 1720 г. говорится о польскомъ стихѣ слѣдующее: „нужно остерегаться, чтобы не были окончанія на—go, li, la, jo, jас, wszy, напр. swętego, zasnego, czynili, mób-wili, и пр. Примѣнительно къ этому правилу, носъ толкованіемъ уже на русскій манеръ, пѣтика 1736 года говорить о русскомъ стихѣ слѣдующее: „въ славянскихъ стихахъ нужно остерегаться, чтобы не оканчивались стихи на-ю (благаго, святаго, драгаго), на чи (хвалячи, знаючи, мѣчащи), на ли (сознали), и проч. ²⁾).

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно бы по-

¹⁾ Fons Castalius, рукопись Кіево-Соч. собора, № 446, rivus 2, quær. 8.

²⁾ Труды Кіев. дух. Академіи, іюль, 1866 года, стр. 25—7.

лагать, что развитіе русскаго языка у южно-русскихъ ученыхъ XVIII вѣка совершилось подъ вліяніемъ польскаго и по его образцу. И дѣйствительно, нельзя не признать доли участія польскаго языка въ образованіи литературнаго южно-русскаго языка, хотя это вліяніе само по себѣ могло скорѣе вести къ искаженію южно-русскаго языка и подчиненію его чужимъ формамъ, какъ это отчасти видно и изъ приведенныхъ уже примѣровъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ польскій языкъ и польскіе образцы, содѣйствовали разработкѣ національныхъ интересовъ и развитію отечественнаго языка такъ называемое возрожденіе классицизма и гуманизмъ, имѣвшіе своихъ представителей и въ Киевской Академіи. Возрожденіе и гуманизмъ явились прежде всего въ Италіи, выразились въ стремленіи къ изученію классическихъ образцовъ, подражаніи имъ и примѣненіи къ національнымъ интересамъ, но потомъ распространились отсюда по всей западной Европѣ и были предтечами нѣмецкой реформациі. Изъ представителей періода возрожденія или гуманизма для насъ интересны итальянцы Понтано, Санназаро, голландецъ Еразмъ Роттердамскій и другіе, которые извѣстны были и въ Киевской Академіи. Въ послѣдней первымъ и самымъ виднымъ представителемъ возрожденія классицизма и гуманизма является знаменитый для своего времени Θεοφάνъ Прокоповичъ. Замѣчательный по своему времени знатокъ латинскаго языка, онъ часто указывалъ въ своей піитикѣ и реторикѣ лучшія руководства и образцы въ духѣ возрожденія классицизма, сочувствовалъ пробудившемуся на западѣ Европы движенію мысли въ лицѣ Галилея, но, что всего важнѣе, старался сблизить классическія формы съ христіанскимъ и отечественнымъ содержаніемъ и заботился объ очищеніи русскаго языка отъ чуждыхъ примѣсей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ можетъ идти въ сравненіе съ Данте и особенно съ Торквато-Пассо, которые пытались въ своихъ произведеніяхъ органически сочетать классическія формы съ отечественнымъ

содержаніемъ и изложеніемъ. Повидимому, Прокоповичъ слѣдуетъ примѣру и правиламъ Тарквато-Тассо и даже воспроизводитъ ихъ въ своей піитикѣ. „Для героической (эпической) поэмы, говоритъ Тассо,—необходимы три условія: 1) избрать содержаніе, могущее принять наиболѣе изящную форму; 2) дать ему эту форму; 3) облечь его лучшими украшениями, какія только оно способно принять. Чтобы достигъ правдоподобія, одного изъ существеннѣйшихъ условій эпоса, лучше всего взять содержаніе изъ исторіи, но только не изъ языческой; потому что ввести въ эпосъ языческую религію—значитъ уничтожить правдоподобіе, а опустить ее—значитъ опустить чудесное. Невозможно же представить себѣ, чтобы тѣ пустыя, безжизненныя божества древнихъ, которыя никогда не существовали, производили явленія, настолько превышающія средства природы и человѣческія силы. Правдоподобное и чудесное почти противоположны другъ другу, а между тѣмъ въ героической поэмѣ они составляютъ совершенно необходимыя условія. Искусство поэта заключается въ томъ, чтобы ихъ соединить. Христіанскій поэтъ можетъ достигъ этого только тѣмъ, что припишетъ такіа чудесныя дѣйствія только Богу, его ангеламъ, святымъ, или тѣмъ, кому дарованы сверхъестественныя силы, слѣдов. демонамъ, чародѣямъ и феямъ. Правдоподобіе же здѣсь возможно потому, что мы съ колыбели слышимъ о подобныхъ чудесахъ. Такимъ образомъ содержаніе новой эпической поэмы должно быть только или христіанскимъ, или еврейскимъ. Но его нельзя заимствовать и изъ священной исторіи, потому что всякое измѣненіе или новый въ ней вымыселъ были бы святотатствомъ. Въ христіанской исторіи можно взять содержаніе изъ совершенно древней, средней или совершенно новой исторіи“¹⁾).

¹⁾ Исторія всеобщей литературы, Шерра, въ русскомъ переводѣ, стр. 262—3.

И Теофанъ Прокоповичъ, указывая въ своей піитикѣ на примѣры христіанскихъ писателей, избѣгавшихъ употребленія именъ языческихъ божествъ и употреблявшихъ имена христіанскія, говоритъ о христіанскомъ поэтѣ согласно съ Торквато Тассо: „онъ (т. е. христіанскій поэтъ) не долженъ вмѣшпвать языческихъ боговъ или богинь въ какое либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія либо добродѣтели, не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто мудрости, Діаны вмѣсто чистоты, Нептуна вмѣсто воды, Вулкана вмѣсто огня,—ихъ имена употребляются только синонимически,—но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также посредствомъ олицетворенія пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лицо, дѣйствіе, одежды, оружіе, инструменты, колесницы и проч. Можно также вымышлять различныя мѣстоположенія на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ, выстраивать города, ставить дома и другія зданія¹⁾. Слѣдуя этимъ правиламъ Теофанъ Прокоповичъ или перелагалъ латинскія классическія произведенія на русскій языкъ и русскіе нравы, или писалъ оригинальныя произведенія по формамъ классическимъ и, подобно Торквато Тассо, влагалъ въ нихъ отечественное содержаніе изъ древней, средней и новой русской исторіи, постоянно заботясь о чистотѣ русскаго языка и исправляя и очищая его по нормѣ церковно-славянскаго. А Теофанъ Прокоповичъ имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующую южно-русскую литературу XVIII вѣка, такъ что всѣ почти лучшіе южно-русскіе писатели этого времени отчасти ему обязаны были своею извѣстностію; слѣдовательно, гуманистическіе принципы возрожденія классицизма продолжали дѣйствовать въ южно-русской ли-

¹⁾ De arte poetica, кн. 2, гл. 5, стр. 102; см. Труды Кіев. дух. Акад., июль, 1866 г., стр. 313.

тературѣ въ теченіи всего почти XVIII столѣтія и направлять ее къ развитію національнаго чувства и вкуса.

Самое же могущественное и заправляющее вліяніе на судьбу южно-русской литературы XVIII вѣка и ея языка имѣла сѣверная Русь своимъ господствующимъ положеніемъ сначала въ политическомъ, а потомъ и въ литературномъ отношеніи. Малороссія формально присоединилась къ московскому государству еще въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, но политическія смуты и колебаніе въ разныя стороны продолжались почти до конца XVII вѣка; слѣдовательно, фактическое присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, и притомъ не въ цѣломъ ея объемѣ, совершилось только къ концу XVII вѣка. Поэтому и результаты этого присоединенія въ литературномъ отношеніи не могли обнаружиться ранѣе конца XVII или начала XVIII вѣка. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, естественно, центръ политической тяжести сталъ находиться для Малороссіи въ Москвѣ или Петербургѣ, а не въ Варшавѣ и Вильнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ сѣверной Россіи сдѣлался господствующимъ языкомъ въ государствѣ вообще и въ частности въ Малороссіи. Съ одной стороны, южно-русскіе ученые и дѣятели часто обращались со своими нуждами на сѣверъ Россіи, къ правительству, получали отъ него официальныя бумаги и нерѣдко переселялись туда для занятія іерархическихъ должностей; съ другой стороны, московскіе бояре и вельможи занимали въ Малороссіи должности воеводъ и губернаторовъ и другихъ сановниковъ и чиновниковъ, а московскія войска большими массами стояли въ Малороссіи въ теченіи всего XVIII вѣка, особенно послѣ извѣстной измѣны Мазепы. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ необходимо долженъ былъ происходить живой обмѣнъ понятій, словъ и выраженій между малороссами и великороссами и клониться въ пользу послѣднихъ. Южно-русскіе ученые и писатели, отправляясь на сѣверъ Россіи на время, или для занятія іерархическихъ мѣстъ,

усиленно старались отвыкнуть отъ провинціализмовъ своей рѣчи и говорить и писать на литературномъ языкѣ сѣверной Руси. Особенно это замѣтно на одномъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей того времени св. Димитріѣ Ростовскомъ. Будучи въ Малороссіи, онъ говорилъ и писалъ обычнымъ въ то время украинскимъ литературнымъ языкомъ. Вотъ примѣры этого языка: „Кто жъ колвекъ того болѣзненного житія путь проходишь, зостановися тутъ“; или — „Нимъ сподобится з насъ хго колисъ Бога во Троицы единого, Отца и Сына и Св. Духа славити з ангелами въ небѣ“, и проч. ¹⁾. Но переселившись на сѣверъ и управляя Ростовскою митрополіею, св. Димитрій писалъ свои проповѣди чистымъ славянскимъ языкомъ и болѣе просто и естественно. Съ другой стороны, московскіе люди, живя по долгу въ Малороссіи и входя въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ мѣстными жителями, распространяли между ними знаніе московскаго языка и нѣкоторыя произведенія сѣверно-русской народной литературы. Къ послѣднимъ можно отнести стихи „про Хому да Ярему“, посящіе на себѣ явные слѣды заимствованія съ велико-русскаго, но довольно распространенные въ Малороссіи между „старцами“, т. е. нищими.

Въ послѣдствіи времени къ этимъ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, обусловливавшимъ собою распространеніе обще-русскаго языка въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, присоединились и болѣе важныя причины этого явленія, заключавшіяся во внутреннемъ содержаніи и внутреннихъ качествахъ сѣверно-русской искусственной литературы, которыхъ не имѣла южно-русская литература. Южно-русская письменная литературѣ XVIII и начала XIX в. была богословскаго содержанія, подчинявшаго себѣ даже обще-

¹⁾ Опианіе рукоп. церковно-археологич. музея при Кіев. Акад., № 292, стр. 284—5 и 289.

образовательныя науки, и нерѣдко отличалась схоластическимъ характеромъ, между тѣмъ какъ литература на сѣверѣ Россіи со времени Петра I принимаетъ практически дѣловой, государственной и свѣтскій характеръ и затѣмъ мало по малу вводитъ русское общество въ кругъ европейскихъ вкусовъ и понятій новаго времени. Поэтому представители южно-русской учености XVIII вѣка, даже оставаясь на малорусской своей родинѣ, не могли быть равнодушными къ новому для нихъ направленію сѣверно-русской литературы и не отнестись къ ней такъ или иначе, сочувственно или несочувственно: при отсутствіи у южно-русскихъ ученыхъ знакомства съ новѣйшими западно-европейскими языками, сѣверно-русская искусственная литература была для нихъ, почти до конца XVIII вѣка, чуть ли не единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ умственныхъ и литературныхъ интересахъ современнаго запада Европы, и поэтому не могла не оказать значительнаго вліянія на южно-русскихъ ученыхъ и писателей XVIII вѣка. И мы не только увидимъ это вліяніе, но можемъ замѣчать даже въ южно-русскихъ писателяхъ XVIII вѣка нѣкоторое движеніе и смѣну понятій и мыслей, представляющія слабое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи.

Такое подчиненіе южно-русскихъ писателей интересамъ сѣверно-русской литературы и очищеніе языка по нормѣ общелитературнаго не могло не отозваться и на судьбѣ собственно малорусскаго народнаго говора. Теперь онъ рѣзко отдѣлился отъ литературнаго языка южно-русскихъ писателей, какъ нѣчто искаженное, уродливое и каррикатурное, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и, по примѣру польскихъ писателей, сталъ употребляться только въ комедіяхъ и каррикатурныхъ пародированныхъ діалогахъ и сценахъ, въ нескромныхъ пѣсенкахъ и т. п. Такое пренебрежительное отношеніе къ малорусскому говору освящено было даже теорією. По правиламъ піитики Митрофана Довгалева, 1736 года, въ комедіи должны выводиться лица

не важныя, какъ—то: господарь (paterfamilias), литвинъ, циганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѣ, турокъ, грекъ, итальянецъ“, и комедіи должны писаться „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“. Вотъ этотъ—то деревенскій мужицкій языкъ малорусскій, постепенно развиваясь въ комическомъ направленіи въ теченіи всего XVIII вѣка, былъ прямымъ и непосредственнымъ предшественникомъ малорусской литературы нынѣшняго вѣка, тоже начавшейся съ карикатурнаго изображенія малорусской жизни въ Энеидѣ Котляревскаго.

Указавъ главныя условія развитія южно-русской искусственной литературы XVIII вѣка, пересмотримъ болѣе важные роды южно-русскихъ поэтическихъ произведеній этого времени, эпическихъ и лирическихъ, и особенно остановимся на драматической литературѣ, какъ болѣе полной и типической.

Въ кіевскихъ пѣтическихъ руководствахъ XVII вѣка въ образцы поэмы указывались большею частію польско-іезуитскія произведенія, какъ то: „Продіада или св. младенцы за Христа мученики, жестоко избіенные Продомъ тираномъ“, о. Іакова Бидерманна, написанная по подражанію Энеидѣ Виргилія; „Өпванда“ изъ 12-ти книгъ и „Ахиллеида“ написанная по подражанію Альду Мануцію, о. Папинія Стація; Fodines Bochnenses, Hypotyposis patientis Dei, и др. польскаго іезуита Андрея Канонъ, написанная по подражанію Папинію Стацію; „Лехіада“ польскаго іезуита Альберта Инесъ, обнимающая собою исторію Польши отъ I Леха до Яна Казимира включительно.

Каковы были эти эпическія произведенія іезуитовъ, объ этомъ дѣлаетъ отзывъ Теофанъ Прокоповичъ. Онъ говоритъ о подобныхъ эпическихъ произведеніяхъ іезуитскихъ, что творцы ихъ „почитають себя изучившими цѣлую науку поэтическую, если не допускають въ стихѣ ничего такого, что

1) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, № 1713.

Труды Кіевск. Академіи, 1879 т. т. I.

бы нарушало мѣру, хотя, возбужденные нѣкоторою страстію, все заплывають непрістойными мыслями и трещать высокопарными словами. Вотъ какъ напр. противъ этого закона погрѣшаетъ іезуитъ Канонъ: въ книжкѣ *De fodinis Bochnensibus* онъ выводитъ Кунегунду, дочь польскаго царя, которая умоляетъ своего отца, чтобы онъ уступилъ ей соляные рудники, и притомъ съ такимъ униженіемъ просить, что припадаетъ къ ногамъ царя и повергается на землю, расточаетъ заклинанія и просьбы и утомляетъ отца неотвязчивою просьбою. Къ чему такія трогательныя, плачевныя сцены? Этимъ способомъ, какимъ Кунегунда просить соли, ей слѣдовало бы умолять Бога за грѣхи. Ибо что неприличнѣе того, что царица и дочь просить у царя—отца предмета столь презрѣннаго, низкаго и дорогаго только для купцовъ? Тамъ же говорится, что та же царица уронила въ соляныя ямы свое кольцо, которое, завызнувши во время паденія въ глыбѣ соли, вытащено было вмѣстѣ съ солью; царица,—говорится здѣсь,—приняла его съ такою радостію, что приложила губки къ драгоцѣнному кольцу и разговаривала съ нимъ какъ съ живымъ, такъ что и самъ авторъ не можетъ передать ея радости“.

Своею критикою Теофанъ Прокоповичъ уронилъ во мнѣніи кіевскихъ ученыхъ прежніе іезуитскіе образцы поэмы и на мѣсто ихъ указалъ другіе лучшіе. Со времени Теофана Прокоповича въ кіевскихъ пѣтикахъ указываются слѣдующіе образцы поэмы: *De partu virginis* Акція Санназаро, написанная по образцу Энеиды Виргилія; *Argenis, figuris Aeneidis adillustrata*, Іоанна Барклая, написанная прозаическою рѣчью и имѣвшая большое употребленіе во времена Теофана Прокоповича; *De bello Chotinensi*,—поэма на войну поляковъ съ турками 1621 года; *Gofred albo wyzwoloуa, Ieruzalem*, въ подлинникѣ принадлежащая Торквато—Тассо и переведенная на польскій языкъ Петромъ Кохановскимъ. Въ образецъ поэмы указывается также Энеида Виргилія и другія классическія произведенія.

Считаемъ излишнимъ говорить о значеніи тѣхъ эпиче-

скихъ произведеній, какія приводились въ образецъ въ кіевскихъ пѣтикахъ времени Теофана Прокоповича. Замѣтимъ только, что кіевскіе ученые мало по малу поднимались до пониманія поэтическихъ произведеній, имѣющихъ несомнѣнное значеніе въ литературной исторіи, каковы напр. поэмы Тассо и Виргилія. Это было большимъ шагомъ впередъ среди тогдашней образованности. Значительное развитіе литературнаго вкуса кіевскихъ ученыхъ по крайней мѣрѣ подготовляло публику на будущее время къ воспринятію народныхъ эпическихъ произведеній, а можетъ быть имѣло вліяніе и на появленіе самостоятельнаго русскаго эпоса ¹⁾.

Переходомъ отъ чужихъ поэмъ къ отечественнымъ служить переводъ на русскій языкъ польской поэмы Твардовскаго о казацкихъ войнахъ, подъ заглавіемъ „Война домова“, сдѣланный въ 1718 году Стефаномъ Савицкимъ, лубенскимъ полковымъ писаремъ. Изъ этой поэмы много заимствовалъ въ свсю лѣтопись (1720 г.) Самойло Величко, какъ это означилъ онъ и на заглавномъ листѣ ²⁾. А лѣтопись Симуила Величка легла въ основаніе драматической пьесы „Милость Божія“, 1728 г., приписываемой то Теофану Прокоповичу, то Теофану Трофимовичу, въ которой изображаются событія казацкой исторіи временъ Богдана Хмельницкаго ³⁾. Эта пьеса по своему содержанію и характеру довольно близко подходитъ къ козацкимъ думамъ о борьбѣ Б. Хмельницкаго съ поляками и, если не имѣла въ виду этихъ думъ, то могла вызвать собою въ памяти малороссовъ эти послѣднія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Исторіи Руссовъ“, долго приписывавшейся Георгію Конисскому, пользуется въ ней уже и историческими малорусскими думами наравнѣ съ историческими матеріалами и сочиненіями. По мнѣнію составителей сбор-

¹⁾ Труды Кіев. дух. Академіи, ноябрь, 1866 года, стр. 348—352.

²⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 г., т. I. стр. 526.

³⁾ О ней сказано будетъ ниже.

ника „историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, „авторъ исторіи Руссовъ пользовался народными думами, внося въ свою исторію то, что не подтверждается другими свидѣтельствами ¹⁾“. Въ свою очередь „Исторія Руссовъ“ подала въ послѣдствіи поводъ къ составленію цѣлаго ряда поддѣльныхъ думъ, преимущественно о времени козачества отъ Наливайки до Хмельницкаго, долго считавшихся за народные ²⁾.

Наконецъ, кіевскія эпическія произведенія могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ считаться родоначальниками и сѣверно-русскаго искусственнаго эпоса. Недоконченная поэма Ломоносова „Петръ Великій“ становится послѣдовательнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго эпоса только въ связи съ предшествовавшимъ развитіемъ литературнаго вкуса у кіевскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что она составлена по подражанію той же Энеидѣ Виргилія, которая играла важную роль и въ южно-русскомъ искусственомъ эпосѣ.

Другой видъ искусственной южно-русской поэзіи XVIII вѣка—лирика. По тогдашнимъ правиламъ піитическимъ, она раздѣлялась на гимны, оды и элегіи. Изъ нихъ особенное развитіе имѣли элегіи и ода.

До начала XVIII вѣка въ Кіевской Академіи почти исключительное употребленіе имѣла духовная элегія, выражавшаяся въ духовныхъ кантахъ. Но съ сего времени рядомъ съ нею начинается возникать мало по малу свѣтская элегія. Ближайшею причиною этого мы считаемъ обращеніе кіевскихъ ученыхъ къ образцамъ классической элегіи. Феоданъ Прокоповичъ нѣкоторыя изъ элегій своихъ писалъ по образцу классическихъ элегій. Такъ напр., онъ описалъ бѣгство Алексѣя челоуѣка Божія съ брачнаго пира тѣми

¹⁾ „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Кіевъ, т. 1, 1874 г. стр. 243.

²⁾ Тамъ же, предислов., стр. XVIII—XXI.

же стихами и выраженіями, какими Овидій описалъ свою ссылку въ первой книгѣ *Tristium, eleg. 3*. Равнымъ образомъ седьмую элегію Овидія Теофанъ Прокоповичъ переложилъ въ слѣдующіе стихи:

Когда плугомъ по небѣ бразды водить стануть,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ поглянуть,
Когда отъ моря къ ключамъ своимъ пойдутъ рѣки
И прешедшіи вспать къ намъ возвратятся вѣки,
Когда Днѣпръ мимо Кіева протекать престане,
Когда въ жидовъ обману и лести не стане,
Когда Подоль въ возрастѣ всѣхъ горъ высочаетъ,—
Тогда развѣ въ насъ серебро любовь потеряетъ.

Съ XVIII же вѣка являются въ Киевской Академіи частія указанія на образцы классической элегіи и переводы ихъ на русскій языкъ. А указаніе на классическіе образцы элегіи, подражаніе имъ и переводы на русскій языкъ не могли не измѣнить строго религіознаго характера прежнихъ духовныхъ кантовъ и не сообщать имъ сколько нибудь свѣтскаго колорита. И дѣйствительно, съ XVIII в. мы встрѣчаемъ такіа элегическія произведенія кіевскія, которые берутъ содержаніе свое уже не исключительно изъ церковно-религіозной жпзни, а иногда и изъ жизни церковно-общественной и гражданской, или даже описываютъ предметы любовные ¹⁾. Изъ лирическихъ стихотворцевъ въ этомъ родѣ извѣстны: тотъ же Теофанъ Прокоповичъ, козакъ Семень Климовскій, Гарасимовичъ, Григорій Савичъ Сковорода, священникъ Григорій Лютенскій, послѣдній кошевой запорожскій Кальнашъ и другіе.

Изъ лирическихъ стихотвореній Теофана Прокоповича обращаютъ на себя вниманіе: 1) „кто крѣпокъ на Бога уповая“; 2) „плачетъ пастушокъ о долгомъ несчастіи“, начинающееся словами: „коли дождусь я весела ведра и дней красныхъ“,—долго распѣвавшіися на югѣ Россіи и особенно между духовенствомъ, и 3) „запорожець кающійся“, написанное съ цѣлію оправдать или, по крайней мѣрѣ, изви-

¹⁾ Труды Кіевс. дух. Академіи, январь, 1867 г., стр. 100—102.

нить сколько нибудь запорожское, козачество замѣшанное въ измѣнѣ Мазепы. Мы приведемъ это послѣднее стихотвореніе, какъ имѣвшее ближайшее отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ малорусской жизни. Запорожець здѣсь говорить слѣдующее:

Что мнѣ дѣлать, я не знаю,
 А безвѣстно погибаю.
 Забрѣлъ въ лѣси непроходни,
 Въ страни гладни и безводни.
 Атамани и гетмани!
 Попалъ я въ ваши обмани:
 Пропадѣть ви за пороги,
 Лишь би не сбѣгся з дороги,
 Не впасть би мнѣ въ силъни руки,
 Не принять би страшной муки.
 Иду же я на путь прежній
 Подъ кровъ мнѣ зъло надежній.
 Прогнѣвалъ я самодежца
 З малоразсуднаго сердца.
 Да мой же въ томъ разумъ твердй,
 Что Богъ и царь милосердній
 Государь гнѣвъ свой оставить
 И Богъ меня не оставитъ ¹⁾.

Подобнаго же содержанія „ревнивый плачь“ малой Россіи о сынахъ своихъ ляхолюбцахъ, соотвѣтствующій южно-русскимъ народнымъ думамъ о жидовскихъ отбупахъ и войнѣ изъ за нихъ, о бѣлоцерковскомъ мирѣ и проч., въ двухъ доселѣ извѣстныхъ спискахъ помѣченный 1718—1719 годами, въ одномъ изъ нихъ съ именемъ Герасимовича ²⁾.

¹⁾ Эти и другія стихотворенія О. Прокоповича мы имѣемъ въ рукописи Кіев. Акад., 1748 г., по печатному Описанію № 664.

²⁾ Съ помѣтой 1718 года издавъ въ журналѣ „Основа“, за май, 1861 года; съ помѣтой 1719—1720 года въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, 1865 г. № 18, и въ исправленномъ видѣ въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. Іюнь 1872 г., въ третьей статьѣ „вліяніе западно-европейской литературы на древне-русскую“.

Другія элегическія южно-русскія стихотворенія XVIII вѣка, намъ извѣстныя, не касаются политическихъ отношеній Малороссіи, а большею частію выражаютъ собою личное чувство и страсть автора; но, сдѣлавшись любимыми пѣсенками различныхъ слоевъ малорусскаго общества и даже простонародья, сильно окрасились мѣстнымъ южно-русскимъ колоритомъ, послужили предтечами новѣйшей южно-русской лирической поэзіи искусственной и даже доселѣ распѣваются въ Малороссіи. По старшинству происхожденія, первое между ними мѣсто занимаетъ извѣстная малорусская пѣсня „Іхавъ козакъ за Дунай“, написанная въ началѣ XVIII вѣка украинскимъ козакомъ стихотворцемъ Семеномъ Климовскимъ ¹⁾. Не меньшею популярностію пользуются въ Малороссіи пѣсни Григорія Савича Сковороды и особенно двѣ пѣсни его—„Всякому городу нравъ и права“ и „Ахъ ушли мои лѣта якъ вихрь съ круга свѣта“. Обѣ онѣ доселѣ распѣваются въ малороссіи *старцами*, т. е. нищими, и первая изъ нихъ вошла даже въ собраніе галицкихъ пѣсень Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эта пѣсня сочинена Сковородою ²⁾, а вторая, насколько помнимъ, помѣщалась въ почаевскомъ уніатскомъ Богогласникѣ и въ искаженномъ видѣ записана изъ устъ *старцевъ* въ г. Радомышлѣ, Кіевской губерніи. Старцы поютъ ее въ такомъ видѣ:

Ой смерть моя дорогая,
Ты отъ Бога присланная!
Зажди мині часъ—годину,
Закіль зберу всю родину!

¹⁾ „Старосвѣтскій Бандуриста“, Закревскаго, 1860 г., стр. 31—32.

²⁾ См. „Украинская Старина“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 84 и 92; „Слово о Сковородѣ“, Н. Костомарова, въ журналѣ „Основа“ июль, 1861 г., стр. 177. Болѣе полный текстъ второй пѣсни см. при *Lucubrations* О. Прокоповича, Wvatislaviae, 1743 г., въ библиотекѣ Кіевской Семинаріи.

А смерть години не зождала,
 Такъ я й родини не зобрала.
 Не прибрата, не готова,
 Иди душа хотъ такова!
 Ой, я въ питки, а я въ гульки;
 А объ смерти нема думки.

Менѣ заслуживали и заслуживаютъ вниманія любовныя искусственныя пѣсни южно-русскія, найденныя нами въ рукописномъ сборникѣ студента Александровича, 1748 г. ¹⁾, и въ припискахъ священника Григорія Лютенскаго къ *Luscubrationes* Θ. Прокоповича, около 1760 г. ²⁾ но и онѣ, по видимому представляя изъ себя школьное воспроизведеніе содержанія и тона малорусскихъ народныхъ пѣсень, служатъ немаловажнымъ посредствующимъ звѣномъ въ цѣпи историческаго развитія послѣдующей малорусской пѣсенной поэзіи. Одна изъ этихъ пѣсень въ припискахъ Лютенскаго, начинающаяся словами—„не прельщай меня, драгая, и не кажись глазамъ моимъ“, въ „москаль—чарівникѣ“ Котляревскаго влагается въ уста Финтика, какъ ходячая въ извѣстныхъ слояхъ малорусскаго общества ³⁾. Она, какъ и другія подобныя пѣсни того времени, при своей блѣдности и вычурной искусственности, своимъ техническимъ построениемъ проливаетъ свѣтъ на происхождение многихъ малорусскихъ пѣсень считавшихся за народныя. Мы преимущественно имѣемъ здѣсь въ виду сборникъ малорусскихъ любовныхъ пѣсень, Лавренка, 1864 года, отличающійся, впрочемъ, довольно плохимъ выборомъ пѣсень. Пересматривая пѣсни этого сборника, выдаваемые за народныя, и обращая вниманіе на ихъ техническое построение, мы нашли, что

¹⁾ Рукописный Сборникъ Кіев. Академіи, 1748 года, по печатному Описанію № 664.

²⁾ Въ бібліотекѣ Кіевской духовной Семинаріи.

³⁾ Тамъ же; см. собраніе сочиненій Котляревскаго, Кіевъ, 1875 года, гдѣ, кромѣ этой пѣсни,лагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ и пѣсни Сковороды.

на добрую треть онѣ составлены по тѣмъ же правиламъ силлабическаго стихосложенія, по какимъ и пѣсни въ сборникѣ Александровича 1748 г., и въ припискахъ Лютенскаго около 1760 г., такъ что каждый стихъ ихъ, согласно требованіямъ піитическихъ руководствъ XVII—XVIII вв., состоитъ изъ 7-ми и 8-ми силлабъ и т. д., съ риемою на концѣ, а иногда и съ цезурою въ срединѣ. Искусственность происхожденія подобныхъ пѣсенъ сборника Лавренка подтверждается и прямыми указаніями нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ напр., здѣсь помѣщены двѣ малорусскія пѣсни изъ рукописнаго сборника конца XVIII вѣка, изъ подъ Хорола 1): „ой у полі долина“, и 2) „въ славнімъ місті Сороці“, состоящія изъ правильныхъ силлабъ, съ латинскими замѣтками и приписками, свидѣтельствующими о школьномъ ихъ происхожденіи ¹⁾).

Такимъ образомъ, искусственныя южно-русскія пѣсни XVIII вѣка, воспроизводя иногда содержаніе и тонъ народныхъ пѣсенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пролагали путь къ большому и большому сближенію своему съ характеромъ и языкомъ народныхъ пѣсенъ и поддѣлывались подъ ихъ тонъ. А на пѣснѣ послѣдняго кошеваго запорожскаго Кальнаша о чайкѣ можно отчасти видѣть и самый процессъ искусственныхъ передѣлокъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и приспособленія къ нимъ. Эта пѣсня, изображающая подъ видомъ чайки Малороссію ²⁾), есть не что иное, какъ передѣлка одной чумацкой пѣсни, конечно существовавшей до Кальнаша, или поддѣлка подъ нее ³⁾).

Но тогда какъ въ элегіи, какъ выраженіи внутренняго

¹⁾ Пісні про кохання, Лавренка, Кієвъ, 1864 г., стр. 68—70.

²⁾ „Старосвѣтскій Бандуриста“, Закревскаго, 1860 г., стр. 33. Въ приложеніи къ „Словницѣ Української (або Югово—Рускої) мови“, Ф. Пискарева, Одесса, 1873 года, эта пѣсня напечатана даже съ именемъ гетмана Мазепы.

³⁾ См. пѣсню о чайкѣ въ „чумацкихъ народныхъ пѣсняхъ“, Н. Рудченка, Кієвъ, 1874 г., № VI.

чувства, южнорусскіе писатели XVIII в. постепенно приближались къ народной рѣчи и характеру малоруссовъ,—въ другомъ видѣ лирической поэзіи—одѣ они воспѣвали большею частію общехристіанскія или общерусскія событія и въ этомъ отношеніи совпадали съ сѣвернорусскими писателями XVIII вѣка. Впрочемъ, и въ одѣ это направленіе выработалось не вдругъ и предшествовалось панегириками схоластическаго, характера.

Привѣтственные стихи и оды на югѣ Россіи не были совершенно чуждымъ и чуждымъ явленіемъ, а имѣли для себя нѣкоторую почву и подготовку въ обычаяхъ русскаго народа, который всѣ важнѣйшіе случаи семейно-общественной жизни своей сопровождалъ обрядами и пѣснями, каковы напр. колыбельныя, свадебныя, похоронныя причитанья, также присловья поздравительныя, привѣтственныя, прощальныя, застольныя и т. п. не чужды иногда нѣкоторой лести и восхваленія. Къ этимъ—то образцамъ бытовой народной литературы и привиты были первоначально привѣтственные стихи и оды панегирическаго характера въ Киевской Академіи. Привѣтственные стихи и оды раздѣлялись на праздничныя, родильныя, имениныя, брачныя, похоронныя, благодарственные, застольныя и проч., и въ правилахъ о составленіи ихъ нерѣдко замѣчалось, что такой—то родъ поздравленій „имѣетъ большое употребленіе въ нашемъ отечествѣ“. Главными характеристическими чертами этихъ стиховъ и одъ были съ одной стороны чрезмѣрная лесть восхваляемому лицу, съ другой самоуничиженіе говорившаго передъ тѣмъ лщемъ, къ которому обращена была рѣчь. Но эти черты южнорусскихъ панегириковъ не всегда проявлялись въ одинаковой мѣрѣ: литературный вкусъ постепенно вырабатывался и очищалъ тѣ неуклюжіе приемы, какіе завѣщала намъ старая школа ¹⁾. Съ теченіемъ времени южно-

¹⁾ Труды Кіев. духов. Акад., январь, 1867 года, стр. 90 и слѣд.

русскіе панегирики или принимаютъ шутливый, веселый тонъ. или же со всею серьезностію откликаются на знаменательныя событія русской исторіи. Въ первомъ отношеніи обращаютъ вниманіе: пѣсенка, распѣваемая въ черниговской губерніи въ *благородныхъ* домахъ на свадьбахъ и начинающаяся словами—„Бідну птичку уловили“ ¹⁾, и поздравительная вирша на пасху, сказанная кошевымъ запорожскихъ козаковъ Потемкину, довольно курьезнаго содержанія ²⁾.

Переходную ступень отъ поздравительныхъ шутливыхъ стиховъ къ одамъ серьезнаго содержанія представляетъ рѣчь сына кіевского протопопа Леванды митрополиту Самуилу Миславскому на праздникъ пасхи, 1789 года, почти исключительно говорящая о взятіи русскими Очакова. Леванда такъ начинаетъ свою рѣчь:

Пу, проняла зима и насъ та холодами!

Да что жъ? Очаковъ взять, такъ и зима съ плодами.

Не видно знамѣца съ луною на валу,

Пошолъ Гюссейнъ—паша защитникъ въ кабалу.

Довольно зрѣлой плодъ, но для Стамбула кисель;

Шестое декабря онъ вычернить изъ чиселъ ³⁾.

Изъ одъ въ собственномъ смыслѣ упомянемъ прежде всего оду Теофана Прокоповича на побѣду надъ шведами, которая по достоинству содержанія и мыслямъ мало уступаетъ одамъ Ломоносова, напр. „на взятіе Хотина“, а тѣмъ болѣе не уступить одѣ Тредіаковскаго на сдачу Гданска, и такимъ образомъ служить лучшею предвозвѣстницею одъ новой русской литературы ⁴⁾.

Когда послѣднія получили уже значительное развитіе, то по подражанію имъ являются оды и въ Кіевской Академіи

¹⁾ Сообщена Т. В. Киб—чемъ.

²⁾ Изд. въ Кіев. Епарх. Вѣдом., 1877 г., № 7.

³⁾ Тамъ же, 1878 г., № 7.

⁴⁾ Труды Кіев. дух. Академіи, январь, 1867 г. стр. 94.

и замѣняютъ собою прежнія панегирическія стихотворенія. Мы имѣемъ двѣ печатныя книги одъ, поднесенныя Кіевскою Академіею въ 1796 году кіевскому митрополиту Герасею. Въ одной изъ нихъ, написанной въ чисто псевдоклассическомъ духѣ, говорится слѣдующее о знакомствѣ тогдашней Кіевской Академіи съ современнымъ движеніемъ западно-европейскоѣ мысли:

Колико глупъ, кто утверждаетъ:
„Себя образованъ есть зло;
Такъ насъ природа съ тѣмъ рождаетъ,
Чтобъ повергать всѣхъ въ бѣдствъ жерло!“
Сія мысль душу возмущаетъ
И страхомъ сердце наполняетъ,
Чтобъ Богъ для бѣдствій насъ создалъ,
Безсмертну душу въ насъ вліявшій
И образъ свой въ насъ начертавшій,
Чтобъ фуріямъ злымъ насъ отдалъ.

Сип-то мысли Фокіоновъ
И Лейбницева ума виной;
Они родили намъ Невтоновъ,
Вѣкъ просвѣщенной и златой;
Они причиной нашей славы,
Величественной той державы,
Екатерина что хранить.
Она умы всѣхъ просвѣщаетъ,
Палладѣ храмы воздвигаетъ,
Подвластнымъ благо всѣмъ дарить ¹⁾.

Третій и послѣдній родъ искусственной южно-русской поэзіи XVIII вѣка есть драма, въ область которой входятъ

¹⁾ „Радостныя чувства моя хужь изліяныя въ одахъ и разныхъ стихотвореніяхъ“ митрополиту кіевскому Герасею, Кіевъ, 1796 г., стр. 65—66. Сличн. поздравленія кіевскимъ митрополитамъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1875 годъ.

мистеріи, трагедокомедіи, пинтерлюдіи и діалоги. Это высшій родъ южно-русскихъ пинтическихъ произведеній XVIII вѣка, какъ по ихъ количеству, такъ и полнотѣ содержанія, совмѣщающей въ себѣ эпическіе и лирическіе элементы.

Всѣхъ южно-русскихъ драматическихъ произведеній XVIII вѣка доселѣ извѣстно до 30-ти. По времени составленія, они идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) „Свобода“ ¹⁾, представленная въ Киевской духовной Коллегіи въ 1701 года, экземпляръ которой находится теперь въ Иркутской дух. семинаріи; 2) „Мудрость Предвѣчная“, 1703 года; 3) Трагедокомедія „Владиміръ“, Ѳеодана Прокоповича, представленная 5 іюля, 1705 года, когда онъ былъ учителемъ пинтики въ Киевской Академіи; 4) трагедокомедія „Іосифъ Патріархъ“, Лаврентія Горки, 1708 года; 5—6) два разговора Ѳ. Прокоповича: одинъ „гражданина съ селяниномъ да дячкомъ или пѣвцомъ“, и другой—съ *тектономъ или древодѣлемъ*; 7) мпелость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницького свободившая“, 1728 г., приписываемая то Ѳеодану Прокоповичу, то Ѳеодану Трофимовичу; 8) *Трагедокомедія Сильвестра Ляскоронскаго*, 1729 года; 9—12) мистеріи и комедіи учителя пинтики въ Киевской Академіи іеромонаха Митрофана Довгалева, 1736—7 гг.; 13) Вертепъ, записанный Маркевичемъ и имѣющій родство съ пьесами Довгалева; 14) „*Брань честныхъ добродѣтелей*“, Іоасафа Горленка, 1737 года; 15) „*Образъ страстей міра сего*“, 1739 года; 16) Трагедокомедія „О тщѣтѣ міра сего“, и проч. Варлаама Лящевскаго, около 1742 года; 17) *Панегирикъ Елизаветѣ Петровнѣ*, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 году, Михаила Козачинскаго; 18) *Благоутробіе Марка Аврелія*, по тому же случаю и того же Козачинскаго, напечат. 1745 г.; 19) *діалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровною*, 1744 года; 20—1) трагедокомедія

¹⁾ Означенныя курсивомъ пьесы не были приняты во вниманіе въ статьяхъ автора 1866—1867 гг.

Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и *интерлюдіи* къ ней или того же Конисскаго, плистихотворца Танскаго, 1747 года; 22) *Трагедокомедія Григорія Саввича Сковороды*; 23) *Трагедокомедія нарицаемая Фотій*, Георгія Щербаткаго, 1749 года; 24) Діалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года; 25—27) Три пьесы священника Некрашевича, а именно: „*Споръ души и тѣла*“, 1773 г.; „*Ярмарокъ*“ и „*Исповѣдь*“; 28) *Разговоръ священника съ іеромонахомъ* объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года; 29) „*Интермедія на три персонъ—смерть, вопль и хлопецъ*“, 1788 года, 30) *Комедія унія това съ православными*, священника Саввы Стрелецкаго (1797—1799 г.), и нѣсколько отрывковъ.

Проходя черезъ весь XVIII вѣкъ, эти драматическія произведенія довольно полно отражаютъ на себѣ уместные и литературные интересы кіевскихъ ученыхъ и различные моменты въ развитіи искусственной южно-русской литературы XVIII вѣка, что съ трудомъ и не всегда можно видѣть на эпической и лирической поэзіи. Выше мы указали общія условія развитія южно-русской искусственной литературы XVIII вѣка въ національномъ направленіи, совершавшагося подъ вліяніемъ полонизма, возрожденія римской классической словесности, политическаго и затѣмъ литературнаго преобладанія Россіи и обособленія южно-русскаго говора отъ общелитературнаго языка. Эти же моменты различаются и въ исторіи южно-русской драматической литературы XVIII вѣка, которую, поэтому, можно раздѣлить на пять періодовъ. Первый періодъ, составляющій продолженіе драмы XVII вѣка, есть періодъ священныхъ мистерій и дѣйствій въ польско-схоластическомъ духѣ. Онъ продолжается до Теофана Прокоповича, или до 1705 года. Ко второму періоду относятся собственно драматическія произведенія самаго Теофана Прокоповича. Содержаніе свое они получаютъ изъ отечественной русской исторіи, а по формѣ подражаютъ классическимъ образцамъ. Сюда относятся трагедокомедія Владиміръ, 1705 года, и два діалога или разго-

вора Ѳ. Прокоповича. Третій періодъ южно-русской драмы XVIII вѣка, съ 1708 года, есть періодъ смѣшенія классическихъ формъ и отечественнаго содержанія, какія мы видимъ у Ѳеофана Прокоповича, съ духомъ и характеромъ прежнихъ священныхъ мистерій и драмъ. Въ четвертомъ періодѣ, при существованіи прежнихъ драматическихъ формъ и направленій, значительнымъ становится у южно-русскихъ писателей стремленіе къ умственнымъ интересамъ и литературнымъ формамъ сѣверной Руси. Этотъ періодъ начинается съ царствованія Елизаветы Петровны, открывается трагедокомедіей Лящевского „о тщетѣ міра сего“, 1742 г., и оканчиваются трагедокомедіей Георгія Щербацкаго „Фотій“, 1749 года. Пятый періодъ южно-русской драмы XVIII в., съ царствованія Екатерины II, есть періодъ упадка ея и совершеннаго преобладанія сѣверно-русской литературы и ея формъ.

(Продолженіе будетъ).